

Медведь на воеводстве

Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы.

Топтыгин 1-й

Топтыгин 1-й отлично это понимал. Был он старый служака-зверь, умел берлоги строить и деревья с корнями выворачивать; следовательно, до некоторой степени и инженерное искусство знал. Но самое драгоценное качество его заключалось в том, что он во что бы то ни стало на скрижали Истории попасть желал, и ради этого всему на свете предпочитал блеск кровопролитий. Так что об чем бы с ним ни заговорили: об торговле ли, о промышленности ли, об науках ли - он все на одно поворачивал: "Кровопролитиев... кровопролитиев... вот чего нужно!"

За это Лев произвел его в майорский чин и, в виде временной меры, послал в дальний лес, вроде как воеводой, внутренних супостатов усмирять.

Узнала лесная челядь, что майор к ним в лес едет, и задумалась. Такая в ту пору вольница между лесными мужиками шла, что всякий по-своему норовил. Звери - рыскали, птицы - летали, насекомые - ползали; а в ногу никто маршировать не хотел. Понимали мужики, что их за это не похвалят, но сами собой остепениться уж не могли. "Вот ужо приедет майор, - говорили они, - засыплет он нам - тогда мы и узнаем, как Кузькину тещу зовут!"

И точно: не успели мужики оглянуться, а Топтыгин уж тут как тут. Прибежал он на воеводство ранним утром, в самый Михайлов день, и сейчас же решил: "Быть на завтра кровопролитию". Что заставило его принять такое решение - неизвестно: ибо он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина.

И непременно бы он свой план выполнил, если бы лукавый его не попутал.

Дело в том, что, в ожидании кровопролития, задумал Топтыгин именины свои отпраздновать. Купил ведро водки и напился в одиночку пьян. А так как берлоги он для себя еще не выстроил, то пришлось ему, пьяному, среди полянки спать лечь. Улегся и захрапел, а под утро, как на грех, случилось мимо той полянки лететь Чижику. Особенный это был Чижик, умный: и ведро таскать умел, и спеть, по нужде, за канарейку мог. Все птицы, глядя на него, радовались, говорили: "Увидите, что наш Чижик со временем поноску носить будет!" Даже до Льва об его уме слух дошел, и не раз он Ослу говаривал (Осел в ту пору у него в советах за мудреца слыл): "Хоть одним бы ухом послушал, как Чижик у меня в когтях петть будет!"

Но как ни умен был Чижик, а тут не догадался. Думал, что гнилой чурбан на поляне валяется, сел на медведя и запел. А у Топтыгина сон тонок. Чует он, что по туше у него кто-то прыгает, и думает: "Беспременно это должен быть внутренний супостат!"

- Кто там бездельным обычаем по воеводской туше прыгает? - рявкнул он, наконец.

Улететь бы Чижику надо, а он и тут не догадался. Сидит себе да дивится: чурбан заговорил! Ну, натурально, майор не стерпел: сгреб грубияна в лапу, да, не рассмотревши с похмелья, взял и съел.

Съесть-то съел, да съевши спохватился: "Что такое я съел? И какой же это супостат, от которого даже на зубах ничего не осталось?" Думал-думал, но ничего, скотина, не выдумал. Съел - только и всего. И никаким родом этого глупого дела поправить нельзя. Потому что, ежели даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно так же в майорском брюхе сгниет, как и самая преступная.

- Зачем я его съел? - допрашивал сам себя Топтыгин, - меня Лев, посылаючи сюда, предупреждал: "Делай знатные дела, от бездельных же стерегись!" - а я, с первого же шага, чижей глотать вздумал! Ну, да ничего! Первый блин всегда комом! Хорошо, что, по раннему времени, никто дурачества моего не видал.

Увы! Не знал, видно, Топтыгин, что в сфере административной деятельности первая-то ошибка и есть самая фатальная. Что, давши с самого начала административному бегу направление вкось, оно впоследствии все больше и больше будет отдалять его от прямой линии...

И точно, не успел он успокоиться на мысли, что никто его дурачества не видел, как слышит, что скворка ему с соседней березы кричит:

- Дурак! Его прислали к одному знаменателю нас приводить, а он Чижика съел!

Взбеленился майор; полез за скворцом на березу, а скворец, не будь глуп, на другую перепорхнул. Медведь - на другую, а скворка - опять на первую. Лазил-лазил майор, мочи нет измучился. А глядя на скворца, и ворона осмелилась:

- Вот так скотина! Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!

Он - за вороной, а из-за куста зайчика выпрыгнул:

- Бурбон стоеросовый! Чижика съел!

Комар из-за тридевять земель прилетел:

- Risum teneatis, amici! [Возможно ли не рассмеяться, друзья! (лат)] Чижика съел!

Лягушка в болоте квакнула:

- Олух царя небесного! Чижика съел!

Словом сказать, и смешно, и обидно. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и все мимо. И что больше старается, то у него глупее выходит. Не прошло и часу, как в лесу уж все, от мала до велика, знали, что Топтыгин-майор Чижика съел. Весь лес вознегодовал. Не того от нового воеводы ждали. Думали, что он дебри и болота блеском кровопролитий воспрославит, а он на-тко что сделал! И куда ни направит Михаиле Иваныч свой путь, везде по сторонам словно стон стоит: "Дурень ты, дурень! Чижика съел!"

Заметался Топтыгин, благим матом взревел. Только однажды в жизни с ним нечто подобное случилось. Выгнали его в ту пору из берлоги и напустили стаю шавок -

так и впились, собачьи дети, и в уши, и в загривок, и под хвост! Вот так уж подлинно он смерть в глаза видел! Однако все-таки кой-как отбоярился: штук с десяток шавок перекалечил, а от остальных утек. А теперь и утечь некуда. Всякий куст, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а он - слушай! Филин, уж на что глупая птица, а и тот, наслушавшись от других, по ночам ухает: "Дурак! Чижика съел!"

Но что всего важнее: не только он сам унижение терпит, но видит, что и начальственный авторитет в самом своем принципе с каждым днем все больше да больше умаляется. Того гляди, и в соседние трущобы слух пройдет, и там его на смех подымут!

Удивительно, как иногда причины самые ничтожные к самым серьезным последствиям приводят. Маленькая птица Чижик, а такому, можно сказать, стервятнику репутацию навек изгадил! Покуда не съел его майор, никому и на мысль не приходило сказать, что Топтыгин дурак. Все говорили: "Ваше степенство! Вы - наши отцы, мы - ваши дети!" Все знали, что сам Осел за него перед Львом предстательствует, а уж если Осел кого ценит - стало быть, он того стоит. И вот, благодаря какой-то ничтожнейшей административной ошибке, всем сразу открылось. У всех словно само собой с языка слетело: "Дурак! Чижика съел!" Все равно, как если б кто бедного крохотного гимназистика педагогическими мерами до самоубийства довел... Но нет, и это не так, потому что довести гимназистика до самоубийства - это уж не срамное злодейство, а самое настоящее, к которому, пожалуй, прислушается и История... Но... Чижик! скажите на милость! Чижик! "Этакая ведь, братцы, уморушка!" - крикнули хором воробьи, ежи и лягушки.

Сначала о поступке Топтыгина говорили с негодованием (за родную трущобу стыдно); потом стали дразниться; сначала дразнили окольные, потом начали вторить и дальние; сначала птицы, потом лягушки, комары, мухи. Все болото, весь лес.

- Так вот оно, общественное-то мнение что значит! - тужил Топтыгин, утирая лапой обшарпанное в кустах рыло, - а потом, пожалуй, и на скрижали Истории попадешь... с Чижиком!

А История такое большое дело, что и Топтыгин, при упоминании об ней, задумывался. Сам по себе, он знал об ней очень смутно, но от Осла слышал, что даже Лев ее боится: "Не хорошо, говорит, в зверином образе на скрижали попасть!" История только отменнейшие кровопролития ценит, а о малых упоминает с оплеванием. Вот если б он, для начала, стадо коров перерезал, целую деревню воровством обездолил или избу у полесовщика по бревну раскатал - ну, тогда История... а впрочем, наплевать бы тогда на Историю! Главное, Осел бы тогда ему лестное письмо написал! А теперь, смотрите-ка! - съел Чижика и тем себя воспрославил! Из-за тысячи верст прискакал, сколько прогонов и порционов извел - и первым делом Чижика съел... ах! Мальчишки на школьных скамьях будут знать! И дикий тунгуз, и сын степей калмык - все будут говорить: "Майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того Чижика съел!" Ведь у него, у майора, у самого дети в гимназию ходят! До сих пор их майорскими детьми величали, а напередки прохождению им школяры не дадут, будут кричать: "Чижика съел! Чижика съел!" Сколько потребуются генеральных кровопролитиев учинить, чтоб экую пакость загладить! Сколько народу ограбить, разорить, загубить!

Проклятое то время, которое с помощью крупных злодеяний цитадель общественного благоустройства сооружает, но срамное, срамное, тысячекратно срамное то время, которое той же цели мнит достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых!

Мечется Топтыгин, ночей не спит, докладов не принимает, все об одном думает: "Ах, что-то Осел об моей майорской проказе скажет!"

И вдруг, словно сон в руку, предписание от Осла: "До сведения его высокостепенства господина Льва дошло, что вы внутренних врагов не усмирили, а Чижика съели - правда ли?"

Пришлось сознаваться. Покаялся Топтыгин, написал рапорт и ждет. Разумеется, никакого иного ответа и быть не могло, кроме одного: "Дурак! Чижика съел!" Но частным образом Осел дал виноватому знать (Медведь-то ему кадочку с медом в

презент при рапорте отослал): "Непременно вам нужно особое кровопролитие учинить, дабы гнусное оное впечатление истребить..."

- Коли за этим дело стало, так я еще репутацию свою поправлю! - молвил Михаиле Иванныч и сейчас же напал на стадо баранов и всех до единого перерезал. Потом бабу в малинике поймал и лукошко с малиной отнял. Потом стал корни и нити разыскивать, да кстати целый лес основ выворотил. Наконец забрался ночью в типографию, станки разбил, шрифт смешал, а произведения ума человеческого в отхожую яму свалил.

Сделавши все это, сел, сукин сын, на корточки и ждет поощрения.

Однако ожидания его не сбылись.

Хотя Осел, воспользовавшись первым же случаем, подвиги Топтыгина в лучшем виде расписал, но Лев не только не наградил его, но собственноручно на Ословом докладе сбоку нацарапал: "Не верю, штоп сей офицер храбр был; ибо это тот самый Таптыгин, который маво Любимова Чижика сиел!"

И приказал отчислить его по инфантерии.

Так и остался Топтыгин 1-й майором навек. А если б он прямо с типографий начал - быть бы ему теперь генералом.

Топтыгин 2-ой

Но бывает и так, что даже блестящие злодеяния впрок не идут. Плачевный пример этому суждено было представить другому Топтыгину.

В то самое время, когда Топтыгин 1-й отличался в своей трущобе, в другую такую же трущобу послал Лев другого воеводу, тоже майора и тоже Топтыгина. Этот был умнее своего тезки и, что всего важнее, понимал, что в деле административной репутации от первого шага зависит все будущее администратора. Поэтому, еще до получения прогонных денег, он зрело обдумал свой план кампании и тогда только побежал на воеводство.

Тем не менее карьера его была еще менее продолжительна, нежели Топтыгина 1-го.

Главным образом, он рассчитывал на то, что как приедет на место, так сейчас же разорит типографию: это и Осел ему советовал. Оказалось, однако ж, что во вверенной ему трущобе ни одной типографии нет; хотя же старожилы и припоминали, что существовал некогда - вон под той сосной - казенный ручной станок, который лесные куранты тискали, но еще при Магницком этот станок был публично сожжен, а оставлено было только цензурное ведомство, которое возложило обязанность, исполнявшуюся курантами, на скворцов. Последние каждое утро, летая по лесу, разносили политические новости дня, и никто от того никаких неудобств не ощущал. Затем известно было еще, что дятел на древесной коре, не переставая, пишет "Историю лесной трущобы", но и эту кору, по мере начертания на ней письмен, точили и растаскивали воры-муравьи. И, таким образом, лесные мужики жили, не зная ни прошедшего, ни настоящего и не заглядывая в будущее. Или, другими словами, слонялись из угла в угол, окутанные мраком времен.

Тогда майор спросил, нет ли в лесу, по крайней мере, университета или хоть академии, дабы их спалить; но оказалось, что и тут Магницкий его намерения предвосхитил: университет в полном составе поверстал в линейные батальоны, а академиком заточил в дупло, где они и поднесь в летаргическом сне пребывают. Рассердился Топтыгин и потребовал, чтобы к нему привели Магницкого, дабы его растерзать, но получил в ответ, что Магницкий, волею божией, помре.

Нечего делать, потужил Топтыгин 2-й, но в уныние не впал. "Коли душу у них, у мерзавцев, за неимением, погубить нельзя, - сказал он себе, - стало быть, прямо за шкуру приниматься надо!"

Сказано - сделано. Выбрал он ночь потемнее и забрался во двор к соседнему мужику. По очереди, лошадь задрал, корову, свинью, пару овец, и хоть знает, негодяй, что уж в лоск мужичка разорил, а все ему мало кажется. "Постой, - говорит, - я у тебя двор по бревну раскатаю, навеки тебя с сумой по миру пуцую!" И, сказавши это, полез на крышу, чтоб злодейство свое выполнить. Только не рассчитал, что матица-то гнилая была. Как только он на нее ступил, она возьми да

и провались. Повис майор на воздухе; видит, что неминуемое дело об землю грохнуться, а ему не хочется. Облапил обломок бревна и заревел.

Сбежались на рев мужики, кто с колом, кто с топором, а кто и с рогатиной. Куда ни обернутся - кругом, везде погром. Загородки поломаны, двор раскрыт, в хлевах лужи крови стоят. А посреди двора и сам ворог висит. Взорвало мужиков.

- Ишь, анафема! Перед начальством выслужиться захотел, а мы через это пропадать должны! А ну-тко-то, братцы, уважим его!

Сказавши это, поставили рогатину на то самое место, где Топтыгину упасть надлежало, и уважили. Затем содрали с него шкуру, а стерво вывезли в болото, где к утру его расклевали хищные птицы.

Таким образом, явилась новая лесная практика, которая установила, что и блестящие злодеяния могут иметь последствия не менее плачевные, как и злодеяния срамные.

Эту вновь установившуюся практику подтвердила и лесная История, присовокупив, для вящей вразумительности, что принятое в исторических руководствах (для средних учебных заведений издаваемых) подразделение злодеяний на блестящие и срамные упраздняется навсегда и что отныне всем вообще злодеяниям, каковы бы ни были их размеры, присвоится наименование "срамных".

По докладу о сем Осла Лев собственноручно на одном нацарапал так: "О приговоре Истории дать знать майору Топтыгину 3-му: пускай изворачивается".

Топтыгин 3-ий

Третий Топтыгин был умнее своих тезоименитых предшественников. "Дело-то выходит бросовое! - сказал он себе, прочитав резолюцию Льва, - мало напакостишь - поднимут на смех; много напакостишь - на рогатину поднимут... Полно, ехать ли уж?"

Спрашивал он рапортом у Осла: "Ежели-де ни большие, ни малые злодеяния совершать не разрешается, то нельзя ли хоть средние злодеяния совершать?" - но Осел ответил уклончиво: "Все-де нужные по сему предмету указания вы найдете в

Лесном уставе". Заглянул он в Лесной устав, но там обо всем говорилось: и о пушной подати, и о грибной, и об ягодной, даже об шишках еловых, а о злодеяниях - молчок! И затем, на все его дальнейшие доуки и настояния. Осел отвечал с одинаковою загадочностью: "Действуйте по пристойности!"

- Вот до какого мы времени дожили! - роптал Топтыгин 3-й, - чин на тебя большой накладывают, а какими злодеяниями его подтвердить - не указывают!

И опять мелькнуло у него в голове: "Полно, ехать ли?" - и если б не вспомнилось, какая уйма подъемных и прогонных денег для него в казначействе припасена, право, кажется, не поехал бы!

Прибыл он в трущобы на своих на двоих - очень скромно. Ни официальных приемов не назначил, ни докладных дней, а прямо юркнул в берлогу, засунул лапу в хайло и залег. Лежит и думает: "Даже с зайца шкуру содрать нельзя - и то, пожалуй, за злодеяние сочтут! И кто сочтет? добро бы Лев или Осел - это бы куда ни шло! - а то мужики какие-то. Да Историю еще какую-то нашли - вот уж подлинно ис-то-ри-я!!" Хохочет Топтыгин в берлоге, про Историю вспоминая, а на сердце у него жутко: чует он, что сам Лев Истории боится... Как тут будешь лесную сволочь подтягивать - и ума приложить не может. спрашивают с него много, а разбойничать не велят! В какую бы сторону он ни устремился, только что разбежится - стой, погоди! Не в свое место заехал! Везде "права" завелись. Даже у белки, и у той нынче права! Дробину тебе в нос - вот какие твои права! У них - права, а у него, вишь, обязанности! Да и обязанностей-то настоящих нет - просто пустое место! Они - друг друга поедом едят, а он - задрать никого не смеет! На что похоже! А все Осел! Он, именно он мудрит, он эту канитель разводит! "Кто осла дивия быстра соделал? Узы ему кто разрешил?" - вот об чем нужно бы ему всечасно помнить, а он об "правах" мычит! "Действуйте по пристойности!" - ах!

Долго он таким образом лапу сосал и даже настоящим образом в управление вверенной ему трущобой не вступал. Пробовал он однажды об себе "по пристойности" заявить, влез на самую высокую сосну и оттуда не своим голосом рявкнул, но и от этого пользы не вышло. Лесная сволочь, давно не видя злодейств,

до того обнаглела, что, услышавши его рев, только молвила: "Чу, Мишка ревет! Гляди, что лапу во сне прокусил!" С тем и отъехал Топтыгин 3-й опять в берлогу...

Но повторяю: он был медведь умный и не затем в берлогу залег, чтобы в бесплодных сетованиях изнывать, а затем, чтоб до чего-нибудь настоящего додуматься.

И додумался.

Дело в том, что, покуда он лежал, в лесу все само собой установленным порядком шло. Порядок этот, конечно, нельзя было назвать вполне "благополучным", но ведь задача воеводства совсем не в том состоит, чтобы достигать какого-то мечтательного благополучия, а в том, чтобы исстари заведенный порядок (хотя бы и неблагоприятный) от повреждений оберегать и ограждать. И не в том, чтобы какие-то большие, средние или малые злодеяния устраивать, а довольствоваться злодеяниями "натуральными". Ежели исстари повелось, что волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон ощипывают, то, хотя в таком "порядке" ничего благополучного нет, но так как это все-таки "порядок" - стало быть, и следует признать его за таковой. А ежели при этом ни зайцы, ни вороны не только не ропщут, но продолжают плодиться и населять землю, то это значит, что "порядок" не выходит из определенных ему искони границ. Неужели и этих "натуральных" злодеяний недостаточно?

В данном случае все именно так происходило. Ни разу лес не изменил той физиономии, которая ему приличествовала. И днем и ночью он гремел миллионами голосов, из которых одни представляли агонизирующий вопль, другие - победный клик. И наружные формы, и звуки, и светотени, и состав населения - все представлялось неизменным, как бы застывшим. Словом сказать, это был порядок, до такой степени установившийся и прочный, что при виде его даже самому лютому, рьяному воеводе не могла прийти в голову мысль о каких-либо увенчательных злодеяниях, да еще "под личною вашего степенства ответственностью".

Таким образом, перед умственным взором Топтыгина 3-го вдруг выросла целая теория неблагоприятного благополучия. Выросла со всеми подробностями и даже

с готовой проверкой на практике. И вспомнилось ему, как однажды, в дружеской беседе. Осел говорил:

- Об каких это вы все злодействах допрашиваете? Главное в нашем ремесле - это: laissez passer, laissez faire! [позволять, не мешать! (фр)] Или, по-русски выражаясь: "Дурак на дураке сидит и дураком погоняет!" Вот вам. Если вы, мой друг, станете этого правила держаться, то и злодейство само собой сделается, и все у вас будет обстоять благополучно!

Так оно именно по его и выходит. Надо только сидеть и радоваться, что дурак дурака дураком погоняет, а все остальное приложится.

- Я даже не понимаю, зачем воевод посылают! ведь и без них... - слиберальничал было майор, но, вспомнив о присвоенном ему содержании, замял нескромную мысль: ничего, ничего, молчание...

С этими словами он перевернулся на другой бок и решился выходить из берлоги только для получения присвоенного содержания. И затем все пошло в лесу как по маслу. Майор спал, а мужики приносили поросят, кур, меду и даже сивухи, и складывали свои дани у входа в берлогу. В указанные часы майор просыпался, выходил из берлоги и жрал.

Таким образом пролежал Топтыгин 3-й в берлоге многие годы. И так как неблагоприятные, но вожделенные лесные порядки ни разу в это время нарушены не были и так как никаких при этом злодейств, кроме "натуральных", не производилось, то и Лев не оставил его милостью. Сначала произвел в подполковники, потом в полковники и наконец...

Но тут явились в трущобу мужики-лукаши, и вышел Топтыгин 3-й из берлоги в поле. И постигла его участь всех пушных зверей.